

НОВОЕ ИМЯ

150

Филипп Пираев
(1965) родился
в Тбилиси.
Окончил
Грузинский
государственный
институт
физической
культуры.
Мастер ФИДЕ
по шахматам.
В Казань
переехал
в 1992 году.
Работает в
Национальной
библиотеке
Республики
Татарстан.
Писать начал
с 17-ти лет.
Подборка
стихов Филиппа
в Казанском
альманахе –
первая
публикация
в его жизни

Филипп Пираев

Мы все глядели сквозь огонь

Костер

Как утомленный битвой конь,
легла гитара у палатки.
Поочередно сражены отравой сползшей тишины,
мы все глядели сквозь огонь,
морзянкой век играя в прятки.
Вились в тепле трескучем сны,
и судеб звездная ладонь
дразнила вечности разгадкой.

Освоив светлых площадей
из прорвы ночи вычитанье,
мы возле разности черты
ныряли в пассы темноты,
теньями прирастая к ней
и каждый о своем мечтая.
Читались в кровью залитых
скульптурах рыцари плащей
и заговор на вече тайном.

А мимо взглядов плыл костер,
дыханием швартуясь к лицам.
У мрака вырывая нас,
он изучал поэмы глаз.
Тирадами в небес простор
срывались искорок жар-птицы –
как будто выстраданных фраз
венцом познавший жизнь актер
спешил с галеркой поделиться.

Он был в пересечение стрел,
трассирующих к сердцу круга.
Но колдовская тьмы игра
метала их по секторам,
сбивая фокус и прицел,
сводя на нет огня потуги, –
а он поведать нам хотел,
что суть людей и суть костра –
суть отражения друг друга,

что, как и мы, он одинок,
и так же не выносит стужи,
как гибнет, от когтей храня,
но лишь мигнут софиты дня,
и отзвонит метелей срок –
друзьям становится не нужен.
Казалось, пламени цветок
сейчас окликнет: вот он я –
кто верой вам и правдой служит!

Взвивался он и приседал –
плясали блики в ритме рваном.
Но только племя мотыльков
слеталось на безумный зов,
да хищный кочерги металл
терзал дымящиеся раны.
А между тем рассвета трал
предвкушал
созвездий улов,
наметив светотеней грани.

И наступал прозрений миг.
Час истины, пора вопросов.
Когда ответы не сошлись, –
последний стон пославший в высь,
огонь в бессилии поник,
покрывшись пепельною оспой.
В своем страдании велик,
был вызываем он на бис
овацией скрипучей сосен.

Но к драме, сыгранной костром,
не проявляя интереса,
мы у надгробья из золы
вдыхали эликсир смолы.
А взгляд, как омутом влеком,
сквозь липких сумерек завесу
нащупать силился стволы,
слепым бесформенным пятном
просачиваясь в губку леса.

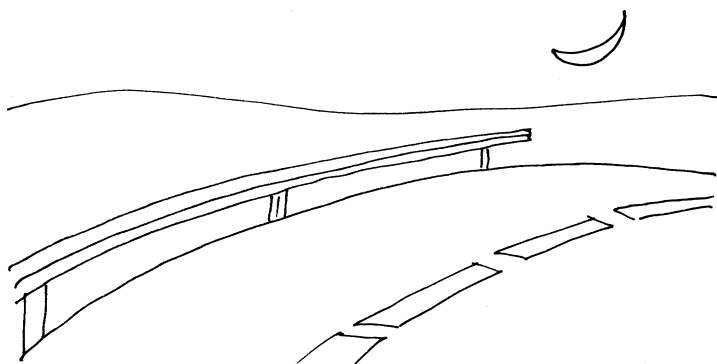
Баллада баллад

По трассе, что поет о жизни песню,
безбрежную, как ветреный ковыль,
в загоризонт, к седьмым вратам небесным,
задумавшись, летит автомобиль.
И нет ему ни горести, ни рая,
и не важны начало и итог.
Сплошная лаконичная двойная.
Эвклидова пуанта всех дорог.
Разлуки – те остались за спиною.
Грядущее ныряет под капот,
и неизвестность знаков чередою
ведет необратимости отсчет.
Вдоль чьих-то грез и многовольтных грабель
построенным полкам лесополос
непринужденно салютует гравий,
выстреливающий из-под колес.
Под блюз дождя и септаккорды ветра
в такт сердцу лижет стекла метроном,
записывая повесть километров
в динамики, как в вахтенный альбом.
Ты скажешь: отсверкало, отгремело.
Но, видно, не испит судьбы кувшин,
коль ей навстречу мчишь все так же смело,
разбрызгивая капельки души.
И будет полдень, красками цветущий,
попутчики, гитар интимный стон,
на вертелах лучей багровых – тучи,
вечерним освященные костром.
И будет ночь, гипнотизер заката,
и смерть мигнет горгоной встречных фар.
Распишется сердечным шрамом дата
и вмятиной – очередной удар.
Не бойся! Не жалей, что тот заветный
когда-то не заметил поворот.

О штрафах позабудь и о кюветах;
до края бак наполнил – и вперед!
Там, за полями – лес, река, столицы.
А дальше – степи, горы, вновь поля,
взлетающие розовые птицы,
прибоем окаймленная земля.
Чуть выше – и запутаются в дымке
саркомы мегаполисов, киты

материков и островов икринки.
Низвергнет ускоренье с высоты
Луны гамак. В колодец канет Солнце.
Утихнет рябь от эллипсов орбит,
и дух освобожденья вознесется
туда, где ноль по Кельвину царит,
где в телескопы не видны обиды,
и так непостижимо далеки
непониманья сциллы и харибды,
отчаянья и гнева маяки.
Спидометр взнуздает скорость света,
и станет очевиднее стократ,
как относительны потери и победы,
что Е и впрямь равно Эм Це квадрат,
что смерти нет, раз нет преграды мысли,
пучком нейтрино в заэкранье тризн
скользящей с целью переплавки истин
в единый мирозданья афоризм.
Забуть о зове странствий не рискуя,
презрев досады карст, благослови
и годы, что рассеяны впустую,
и мощи року закланной любви.
Они вотще не сгнули в пространстве,
их не разъело кислотой времен;
они и есть – пространство и прекрасных
мелодий конкордат, рожденный в нем.
Их не вернуть, но, обогнав потоки
летающего на квантовых крылах
эфира, можно в космосе глубоком
былое вновь узреть, как в зеркалах.
Друзей ушедших образы там живы,
их смехом озарен межзвездный мрак.
А рифмы слов и дел в ретроспективе
пропущены сквозь истины дуршлаг.
Когда-нибудь, все формулы упрямой материи
осилив без труда,
и твой фантом там вспыхнет голограммой,
чтоб в горнем поселиться навсегда.
Канатоходцем по луча аксону
шагая мысленно, украдкой оглянись;
там точка, чуть заметная на фоне
туманностей, шлет наставленья ввысь –
чтоб этот путь, что тернием унизан
исканий, и восторг его, и боль
ты принял как великую харизму,
как избранным дарованную роль.

И пусть тебя нисколько не тревожит
остервенелость зависти слепой;
ярлык скитальца вечного – не то же ль,
что знамя за мечту идущих в бой?
Болидом галактического ралли
спустишься и, обретя привычный вес, –
когда шасси хлестнут по магистрали
вблизи авианосца ДПС, –
почувствуй снова сонных роц прохладу,
дыханье трав начни учить с азов,
прислушайся к дуэли водопада
с фальцетом возмущенных тормозов.
И улыбнись чему-то, как родному.
Устало, виновато, невпопад,
как некогда покинутому дому,
чи стены пламя губ твоих хранят.
Зальет волной прощенья ложь, измены,
закончится отверженности плен,
и ты поймешь, что в мире, где все бренно,
нет ничего надежней перемен,
как чист шмеля полет, и как чудесны
и урагана вой, и вязкий штиль.
И трасса, что поет о жизни песню,
безбрежную, как ветреный ковыль.

Туман

156

Туман.

Паутиной заклеил туман
панорамы стоцветный экран,
по минутам прошелся косою.

Туман.

Он – как в строгом учебнике – дан,
и вещей архимедовский чан
расплескав, мир заполнил собою.

И вот –

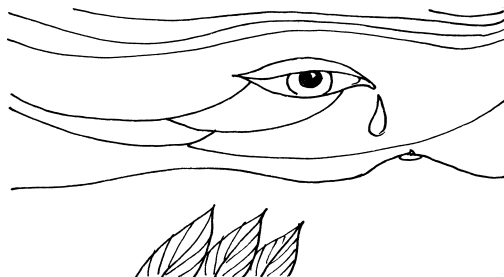
не слышать ни болот, ни высот,
не добраться ни до, ни от них,
ни – имен разгадать на могилах.

И жжет

пустота, низвергаясь в живот,
недосказанность легкие рвет,
когти холода в спинах бескрылых.

Слеза,

отметая все «против» и «за»,
пыткой памяти застит глаза,
но – и в ней уже вирус белесый.

Назад,
по обрывкам былого скользя,
их на вектор судьбы нанизав,
не паришь и не чувствуешь веса.

Петля
безысходности, верности для
обескровив безлюдьем поля,
каменеет на сердце сиротством.
Земля,
потерявшая флаг журавля,
с протекающим дном корабля
обнажает печальное сходство.

Почив,
превращаются мысли в залив
забытья, что, как старый шериф,
право ценит одно – на молчанье.
На миф
о Сизифе патент предъявив,
обрывает туман, словно риф,
всплески робких надежд изначально.

И так
будет длиться бессмысленно мрак,
будто дыма завесою – враг,
ослепляя молочною ванной,
как брак, что бесплоднее, чем солончак,
как за Шерлока Холмса – маньяк,
выдавая себя за нирвану.

Туман –
перемен одномерный тиран,
поглотивший, как левиафан,
суммы катетов и биссектрисы.
Он пьян,
но свой пить продолжает дурман
и глядит, не мигая, в кальян
беспробудных видений Нарцисса.

Час волков

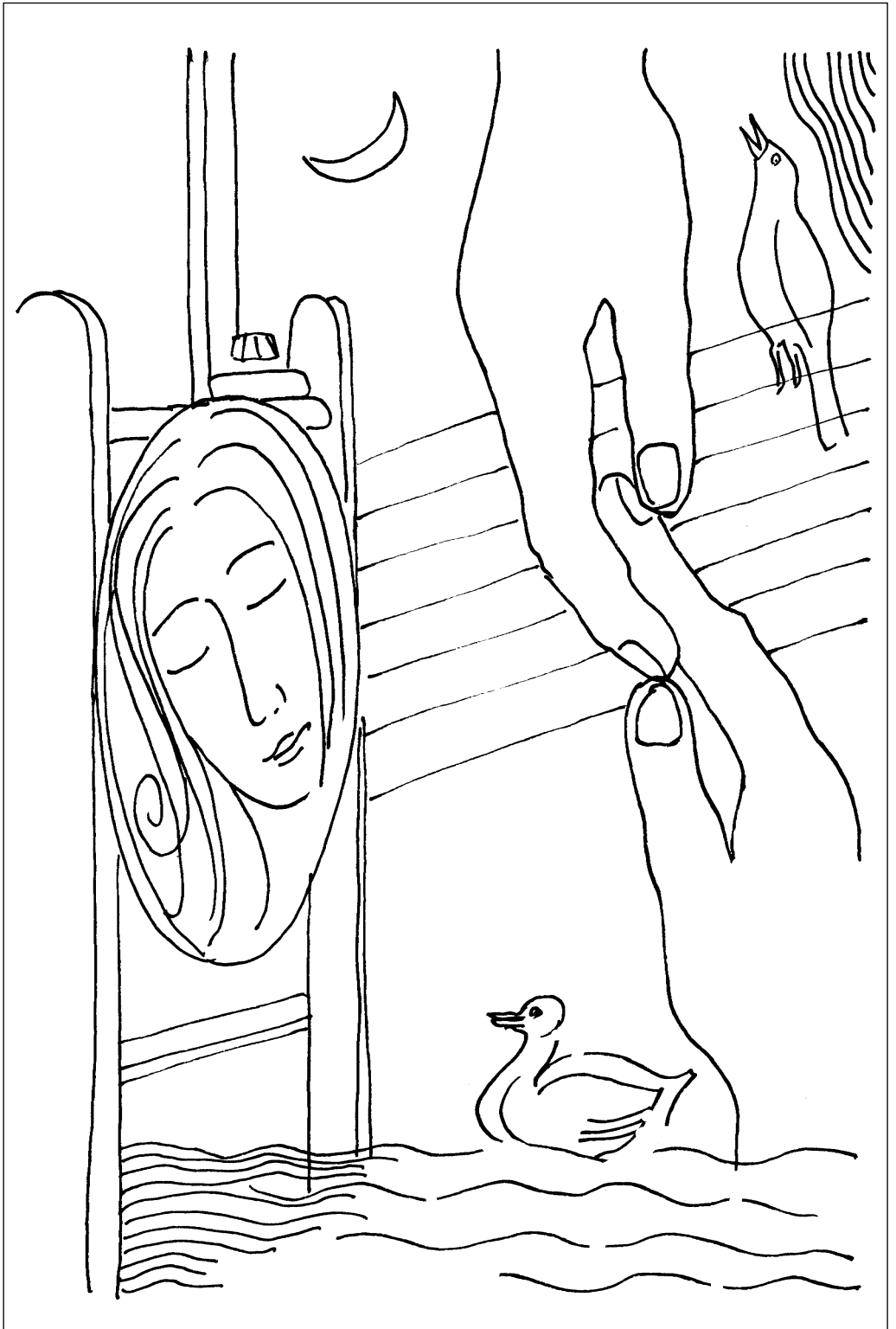
(соло голодной волчицы)

158

Ключья мечет ночь с небес.
 За верстой версту верстая,
 сквозь дремучий мрачный лес
 молча мчится волчья стая.
 Свод могучих черных туч
 страх струит необычайный.
 Желчный тьму бичует луч,
 в чары чашу облачая.
 И в свечении том – клич
 мечется чудной всё громче;
 то урчит-клокочет сыч,
 предвещая час урочный.
 Как чумной, хохочет смерч.
 В строй стволов стрелой вставая,
 чревом чуя чью-то смерть,
 молча мчится волчья стая.
 Рыщет полчище, кружат
 монстры. Трепещи, несчастный,
 изувечат, сокрушат,
 разорвут, рыча, на части!
 Человечье чадо, прочь
 с троп ступай, чреватых встречей!
 Сына срочно прячь и дочь,
 если хочешь уберечь их!
 Лезь в чулан, чадя свечой,
 затвори в сторожке ставни
 попрочнее; за стеной
 молча мчится волчья стая!
 Чу, молчи! чтоб часом речь
 вас не выдала, беспечных!
 Беспощадные, как меч
 палача, стригущий плечи
 безупречных смельчаков,
 зубы острые скрежещут.
 Печи алчные зрачков
 источают жар зловещий.
 Смачно челюсти стучат,
 жертву расчленишь мечтая.

За добычей для волчат
молча мчится волчья стая.
Обреченным не помочь,
бегством быстрым им не скрыться.
Участь злую всем точь-в-точь
предназначила волчица!
Мольбы тщетны; плачь не плачь –
душам черствым состраданье
чуждо. Нищий ли, богач –
жизнь закончишь ты печально!
Нечисть чудится очам,
сучьев треск за каждой кочкой.
Чьи-то туши волоча,
молча мчится стая волчья.

160

Алла-прима*

Это – Осень. Воплотившаяся в птицах
память вечности, тоска души по небу.
Это – счастье не желать и не стремиться,
за усопших преждевременный молебен.
Это – время, расплескавшее по лицам
сеть морщин – дождями вымытых каналов.
Это – право быть бесправным, погрузиться
с летом в Лету, в ретро ветра. Это – «алла-
прима» жизнь – кокетка в зеркале мольберта, –
светофоров гамму влившая в этюды.
Над гордыней суд, немыслимость обета
не мечтать и флейты легкая простуда.
Поражений опыт, возведенный в степень
всепрощенья и подхваченное высью
струн гитарных волхование над пеплом
в крематории любви сгоревших писем.
Стон сознания: пора готовить санки.
Под Москвой по вечерам – затишье, сборы.
Сизый селезень, плывущий по Казанке
на зимовку; через шлюзы – в сине море.
Это – льдам полярным дань, налог натурой
с недр глазных, не предвещающий поблажки
ультиматум наливающихся бурей
туч апостолам расстегнутой рубашки.
Упоенье уходит, все настезь двери оставляя,
не читать судьбу по звездам,
и в наивности своей святая вера –
что вернуться никогда не будет поздно.
По плененному светилу плач в Путивле,
слов бессилье, воронья многоголосье.
У печей остывших мелодрамы в стиле
«ты забыла» и «зачем меня ты бросил?»
Адресов ненужность, мука знать ответы
наперед, друзьям умение присниться.
Вдруг на год помолодевшие портреты,
книг любимых потускневшие страницы.
Чаши, пахнущие виноградным соком,
капель пробные десанты на клеенке.
Горечь дум глубоких, вздохи, одиноко

* Алла-прима — в живописи: картина, написанная на одном дыхании мощными, энергичными мазками.

поездам ночным летящие вдогонку.
Это – дворник, очарован и неловок,
в парке Паркам приносящий гекатомбы
на кострах из грустью сброшенных листовок.
И одна рука, покорно, словно зомби,
пыль стирающая с клавиш, а другая –
свадьбой рифм тетрадь томящая без спроса.
Потому, что лишь творя, любя, страдая
мы бессмертны. Потому, что это – Осень.

ВОСТОЧНЫЙ СОНЕТ

Он в сотый раз произнесет: любовь.
Она ему в трехсотый раз поверит.
В саду, от роз благоуханном, вновь
перед готовой отвориться дверью
он пропоет ей о земной любви
ту песню, что сложили соловьи.

Любимая, спасибо, что ты есть!
Средь всех миров, что над мечтами властны,
пусть истин и великих тайн не счесть,
но нет честней, мудрее и прекрасней
той песни соловьиной, что проста,
как лепесток весеннего куста.

И будут: оба в радости слепы,
и расставаться, и рыдать от боли,
сдвигать вершины, выдирать шипы
из сладкой раны, прозванной любовью.
Словами древней песни соловья
храняемая, вращается Земля.

